

Глава первая

Все, что я знаю о Франции, — это мадленки¹, «Амели» и «Мулен Руж». Еще Эйфелева башня и Триумфальная арка, хотя понятия не имею, зачем они нужны на самом деле. Наполеон, Мария Антуанетта и куча королей с именем Луи. Не помню, чем они знамениты, но, по-моему, это как-то связано с Французской революцией и Днем взятия Бастилии. Художественный музей под названием «Лувр» и его знаменитая стеклянная пирамида, пристанище «Моны Лизы» и статуи с отрубленными руками. Еще кафешки на каждом углу и бистро... или как они их там называют. И мимы. Неплохая еда (вроде бы), все курят и пьют много вина.

Я слышала, будто французы не любят американцев и белые кроссовки.

Несколько месяцев назад отец устроил меня в пансион. Хруст его перекрещенных пальцев, наверное, слышали даже на другом конце трубки, когда он заливал про «великолепный опыт в обучении» и «чудесные воспоминания, которые я буду хранить всю жизнь». Ну да. Чудесные воспоминания. Одна эта фраза выводила меня из себя.

¹ Мадленки — бисквитное печенье небольшого размера, которое часто делают в форме ракушек. Пользуется неизменным успехом во Франции и Европе в целом. — Здесь и далее примечания переводчика.

После этого заявления я пробовала кричать, умолять и плакать, но ничего не сработало. И теперь у меня на руках новенькая студенческая виза и загранпаспорт, где написано: Анна Олифант, гражданка Соединенных Штатов Америки. И вот я здесь, вместе с родителями, распаковываю вещи в комнатухе размером меньше моего чемодана — новоиспеченная студентка Американской школы в Париже.

Не то чтобы я была неблагодарной. То есть это все-таки *Париж*. Город света! Самый романтический город в мире! Как можно против такого устоять. Просто сама затея с заграничным пансионом была скорее его, чем моя. С тех пор, как отец начал продавать идиотские книжки, по которым позднее сняли не менее идиотские фильмы, он изо всех сил старался произвести на своих нью-йоркских друзей впечатление культурного, интеллигентного человека.

Мой отец не интеллигент. Но он богат. Так было не всегда. Когда родители только поженились, наша семья пребывала в самом низу среднего класса. Родители оказались на грани развода, и все амбиции пришлось отбросить в сторону. Мечта стать очередным великим писателем с Юга трансформировалась в жгучее желание стать очередным публикующимся автором. И вот, осев в одном из маленьких городков Джорджии, отец принялся писать новеллы об обычных людях с незыблемыми американскими ценностями, которое влюбляются окончательно и бесповоротно, попадают в опасные ситуации и обязательно умирают в конце.

Я серьезно. Меня это вгоняет в черную депрессию, но тетки проглаживают подобное чтиво с удовольствием. Им нравятся книги моего отца, нравятся его свитера крупной вязки, белозубая улыбка и легкий загар. Благодаря им он стал автором бестселлеров... и полным кретином. По двум его книгам сняты фильмы, еще по трем их снимают сейчас. Это его основная статья дохода.

Голливуд. Возможно, именно огромные деньги и призрачная слава навели отца на мысль о том, что я должна жить во Франции. Целый год. Одна. Не знаю, почему он не посчитал нужным отправить меня в Австралию, или Ирландию, или куда-нибудь еще, где английский — родной язык. По-французски я знаю только одно слово — «oui»¹, и лишь недавно я узнала, что оно произносится как «уи», а вовсе не «ви». По крайней мере, в моей школе говорят по-английски. Ее и открыли специально для состоятельных американцев, которым наскучили собственные дети. На самом деле так оно и есть. Кто же еще отправляет детей в пансион? Прямо Хогвартс какой-то. Только в нашем пансионе не учат летать на метле, там нет симпатичных мальчиков-чародеев и волшебных конфет. Вместо этого мне приходится ютиться с остальными девятиклассниками и студентами. В классе всего двадцать пять человек вместо шести сотен, которые учились со мной в одной параллели в Атланте. Зато изучаю я те же предметы, что и в средней школе Клермонта, не считая французского, конечно.

Ах да! Французский. О свободном выборе предметов нет и речи. Меня от этого просто трясет.

Мама говорит, что из меня надо выбить дурь, но это не она бросает чудесную подружку Бридж. И отличную работу в мультиплексе по адресу: Роял Мидтаун, 14. И классного парня из этого мультиплекса.

До сих пор не могу поверить, что мама разлучила нас с Шоном — моему братику всего семь, и он еще слишком мал, чтобы после школы сидеть дома без присмотра. Или его без меня похитит жуткий тип, живущий ниже по улице, у которого окна завешены грязными полотенцами с логотипом кока-колы, или он случайно съест что-нибудь с красным красителем 40², у него случится отек Квинке, а рядом не ока-

¹ Oui — «да» по-французски.

² Красный очаровательный АС — пищевой краситель красного цвета, зарегистрированный в качестве пищевой добавки E129.

жется никого, кто мог бы отвезти его в больницу. Шон может даже умереть. И готова поспорить, они не позволят мне прилететь на его похороны, и на кладбище я попаду только в следующем году. Одна. К тому времени отец наверняка водрузит на могилу какой-нибудь кошмарный гранитный памятник.

Надеюсь, он не ждет, что я сейчас сию и заполняю заявление на поступление в колледж где-нибудь в Румынии или России. Моя мечта — изучать режиссуру в Калифорнии. Я хочу стать первой в Америке женщиной-кинокритиком. Когда-нибудь меня будут приглашать на каждый фестиваль, у меня будет своя колонка в газете, классное телевизионное шоу и нереально популярный веб-сайт. К слову, веб-сайт у меня уже есть, но он не слишком популярен. Пока.

Мне просто нужно немного времени, и все.

— Анна, пора.

— Что? — Я отрываюсь от рубашек, сложенных в аккуратные квадратики, и поднимаю взгляд.

Мама пристально смотрит на меня, нервно теребя кулон с черепашкой. Отец, в персиковой рубашке поло и белых парусиновых туфлях, уставился в окно. Уже поздно, но женщина на другой стороне улицы поет что-то из оперы.

Родителям пора возвращаться в гостиницу. Им обоим утром рано вставать.

— О! — Мои пальцы с силой впиваются в одну из рубашек.

Отец отходит от окна, и я с удивлением замечаю, что у него глаза на мокром месте. При мысли о том, что отец — если он, конечно, вообще *мой отец* — вот-вот расплачется, у меня перехватывает горло.

— Ну, малышка. Полагаю, ты теперь совсем большая.

Меня сковало холодом. Отец неуклюже обнимает меня. Мне становится неприятно.

го цвета, от нее воняет краской, и микробов в ней наверняка биллионы и триллионы. О господи! Что, если в этой воде тоже микробы? Безопасно ли пить воду из-под крана во Франции?

Да я просто жалкая, неуверенная в себе девчонка.

Много ли семнадцатилетних подростков готовы пойти на что угодно, даже на убийство, лишь бы вернуться домой? Для моих соседей в происходящем не было ничего трагичного. Из их комнат не доносится рыданий. Я хватаю рубашку, чтобы вытереться хоть чем-то, и тут меня осеняет. *Моя подушка*. Я утыкаюсь лицом в звукоизоляционный барьер и всхлипываю, всхлипываю, всхлипываю...

Кто-то стучит в дверь.

Нет. Только не ко мне.

И опять!

— Привет! — говорит какая-то девушка из коридора. — Привет! Ты в порядке?

Нет, я не в порядке. УХОДИ. Но девушка зовет снова, и мне приходится сползти с кровати, чтобы ответить. По ту сторону двери оказывается кудрявая блондинка с длинными упругими локонами. Высокая, крупная, но без лишнего веса.словно игрок волейбольной команды. Нос у нее проколот. В свете светильников сережка ярко переливается, словно туда вставлен бриллиант.

— Ты в порядке? — мягко спрашивает девушка. — Я Мерedit, наши двери рядом. Это твои родители только что уехали?

Мои припухшие глаза — прямое тому свидетельство.

— Я тоже проплакала первую ночь. — Мерedit задумчиво наклоняет голову, замирает на минуту, а затем кивает: — Идем. *Горячий шоколад*¹.

— Шоколадное шоу?

¹ Французское слово *chaud* («горячий») и английское *show* («шоу») схожи по звучанию.

С какой стати мне смотреть шоколадное шоу? Меня бросила мама, я боюсь выходить из комнаты и...

— Нет. — Мередит улыбается. — Горячий шоколад, я могу приготовить его у себя в комнате.

Ох.

Я нехотя иду следом. Вдруг Мередит поднимает руку и останавливает меня, точно регулировщик движения. Все пять пальцев у нее в кольцах.

— Не забывай ключ. Двери закрываются автоматически.

— Знаю. — И я вытаскиваю из-под рубашки шнурок с ключом, чтобы проверить это.

Я прицепила ключ на шнурок еще в выходные на семинаре, посвященном жизненно важным навыкам для новоиспеченных студентов. Там рассказывали, как легко оказаться запертым в комнате.

Мы входим в ее комнату. Я судорожно вздыхаю. Такого же невероятного размера, как и моя, семь на десять футов, с мини-столиком, мини-шкафом, мини-кроватью, мини-холодильником, мини-раковиной и мини-душем. (Мини-унитаз отсутствует, туалет дальше по коридору.) Но... в отличие от моей стерильной клетушки каждый дюйм стен и потолка заклеен постерами, картинками, кусками рваной цветной бумаги, а также яркими листовками на французском.

— Ты давно здесь? — спрашиваю я.

Мередит протягивает мне салфетку, и я высмаркиваю нос с таким звуком, словно гогочет рассерженный гусь, но лицо моей новой подруги остается невозмутимым. Она даже не морщится.

— Я приехала вчера. Но учусь здесь уже четвертый год, так что ходить на семинары мне не надо. Просто шатаюсь то тут, то там, жду, когда приедут друзья. — Она упирает руки в бока и смотрит по сторонам, гордо разглядывая дело своих рук. Мой взгляд падает на пол, где валяются пачка